

Духовное развитие ребенка

Введение в проблему

Тема нашего обсуждения чрезвычайно важная и объемная. Я хотел бы обозначить лишь самые общие вопросы, сделать лишь отдельные акценты, чтобы навести хотя бы относительный порядок в наших представлениях по данной теме. Это первый момент.

Второй момент – так как я психолог, то главный акцент, естественно, буду делать, прежде всего, на духовно-нравственном развитии, не столько на воспитании, сколько на развитии. Потому что воспитание в этом плане является прикладной, практико-ориентированной частью общих проблем развития человека, развития его личности. Здесь важно развести сферы ответственности, сферы действия.

То, что позволено, и то, что может сказать и сделать психолог - это одно, а то, что может сказать и сделать педагог - это другое. Ясно, конечно, что современный психо-лог образования должен быть педагогически грамотен, но и наоборот – современный педагог должен быть не менее психологически образованным, оставаясь при этом педагогом. Только в этом случае они могут оказаться в одном смысловом пространстве, а значит - могут стать подлинными со-работниками.

Далее - я хотел бы сделать общую разметку основного материала данного сообщения.

Первая позиция - духовная ситуация в современном мире и в России - в частности. Мы должны ее точно поименовать. В чем здесь проблема, почему мы с такой горячностью обсуждаем ее в последнее время?

Вторая позиция – понятие духовности, ее природы и источников. Потому что слово «духовность» сегодня у всех на языке, но что за этим словом стоит – это иногда даже страшно подумать. Здесь мы с вами должны опять сделать разметку или произнося это слово, мы должны отдавать себе отчет, что мы имеем в виду, когда произносим это слово.

Третья позиция - может быть в кавычках, как некая метафора - это само «жизненное пространство, пространство существования» духовно-нравственной ипостаси человека. А где все это живет? - это живет в наших мозгах или это живет в книгах, или есть какое-то другое более внятное пространство, и мы должны его обозначить.

Четвертая позиция – в психологии она заявлена, про это достаточно много написано и потихоньку она входит в профессиональный язык педагогов – это понятие детско-взрослой общности. Мы привыкли говорить

«учитель – ученик», «воспитатель – воспитуемый», мы привыкли говорить «класс», «школа», вот такими глобальными оргформами мы оперируем, а существо дела зачастую пропадает за этой организованностью, пропадает сама живая реальность встречи поколений, встречи взрослого и ребенка.

Кто (не что?), а кто встречается, и как они встречаются, и какое содержание живет в этих встречах - это требует специально отдельного обсуждения. Здесь точно также необходимо сделать разметку, обозначить и расставить некоторые акценты. В противном случае мы с вами будем постоянно говорить об абстрактных, неодушевленных предметах типа - школа, образовательные учреждения, подростки, которые для нас не живые люди, а просто некая криминально-временная метка и не более того, а что это за человек, который обозначается таким словом как подросток, мы часто не обсуждаем. Или ребенок, школьник, ученик второго класса или старшеклассник и т.д. – они кто в своей человеческой определенности? Т.е. эти вопросы, все эти разметки нашего профессионального говорения должны обрести какое-то измерение, т.е. мы должны ощущать живого человека, ощутить живую жизнь, которая за этими метками существует.

И еще один момент (он не последний) - это вопросы, связанные с проблемой семьи, семья - как малая церковь, прежде всего в этом своем измерении, не только в социальном, а и в культурологическом смысле. Эта проблема, как я ее обозначаю - встреча поколений. По словам Владимира Петровича Зинченко, одно из определений образования – это дар одного поколения другому. И здесь возникает вопрос: а что же мы дарим, кто является дарителем, и какой дар мы предлагаем вот этому, другому поколению.

Отдельный вопрос – это обсуждение понятия братства, сестричества, потому что по остаткам нашего советского сознания мы постоянно любые человеческие объединения сводим к понятию коллектива, у нас всегда только коллектив - как некое жестко структурированное сообщество людей, и все главное в этом объединении – только структура. А вот что там внутри, сам дух общности - к сожалению, слабо улавливается. Я думаю, что все эти моменты мы должны сделать темой нашего обсуждения. Тогда многие загадки нашей жизни, в том числе и в развитии духовности, нравственной сферы у нас и у наших детей станут более прозрачными.

Это примерная разметка проблемного поля нашей с вами Встречи. Разметка не полная, оговорюсь сразу, она может быть расширена, более детализирована, и частично я попытаюсь сделать это в своем сообщении.

1. Духовная ситуация в мире и в России

Сегодня практически у всех на слуху такие слова, такие два мировых принципа, под гнетом которых организуется наша жизнь, как глобализация и постмодернизм. Эти два принципа, эти две, если можно так сказать, головные боли современного мира уже фактически привели к цивилизационному кризису не только европейского, и планетарного масштаба.

Что происходит? Происходит унификация социально-политических структур, разрушение форм культурной, исторической и духовной идентификации человека, размывание любых мировоззренческих основ его самоопределения и одновременно – призыв уповать только на свою собственную самость в качестве основы и смысла жизни.

Сверхценностью объявлена демократия, ради которой можно идти на уничтожение не только государственного строя, но и целого народа. Это мы наблюдали в Югославии, это мы ощущаем у себя в России. Самый последний урок – это Ирак, в списке ожидания – целый ряд других стран, а сама эта тенденция набирает силу, например, сегодня на Украине.

В свое время, будучи в Штатах и разговаривая с американцами, я сталкивался с таким вопросом: «Ну почему у многих вызывает раздражение наше поведение, наши требования, когда мы появляемся в Европе, в вашей стране?» – Я отвечал: «По одной простой причине, вы хотите, чтобы на каждом квадратном метре планеты была Америка. Вот вы пришли на Северный полюс. Там живут белые медведи. Вы не хотите, чтобы там жили белые медведи по своим, медвежьим законам, вы хотите, чтоб там было по-американски, чтобы там был Макдональдс, чтобы были все удобства и т.д., т.е. везде, на каждом квадратном метре. А как это можно сделать? Только снести бульдозером нечто уже существующее, и на этом месте, как на пустом месте построить то, к чему есть навык и привычка. Поэтому идет тотальная цивилизаторская война – она не горячая и не холодная; это тотальное переустройство самого сознания того или иного народа, разрушительное переустройство его многовековой культуры. Как когда-то европейцы были цивилизаторами так называемых диких примитивных племен, они и поступали соответствующим образом. Сейчас эта тенденция достигла и самой Европы. Целый ряд европейских стран должен подвергнуться этой цивилизационной модернизации.

Сегодня уже фактически сложилась идеология постмодернизма (самая «современная современность»), который настаивает, что все, абсолютно все в мире относительно. Можно верить в это, а можно в другое, можно отстаивать такие ценности, а можно разделять иные. Все критерии и границы условны –

как договоримся. Отсюда еще две идеологические приманки – толерантность и общечеловеческие ценности; заметьте - не любовь к ближнему, а лицемерная терпимость; терпение, так сказать, стиснув зубы, во имя ценностей какой-либо очередной сверхдержавы в качестве общечеловеческих.

Идеология постмодернизма и глобализации направлены на то, чтобы разрушить, смести, или, по крайней мере - нивелировать исторически сложившиеся защитные, иммунные системы того или иного народа – в виде устойчивых форм государственности, ценностей национальной культуры, традиционного образа жизни, вообще – хоть какого-нибудь осмысленного уклада. Только в этом случае можно будет превратить народ в этнографическую массу, в так называемое население.

Здесь необходимо учитывать две составляющие. Политико-экономическая составляющая, которая задает тип государственности и его границы, и духовно-культурная - глубинная составляющая, которая цементирует и сохраняет во времени такую реальность, как народ - с его исторической памятью и со своей системой ценностей.

Исторический опыт свидетельствует, что нация (народ) вырождается и исчезает из истории не тогда, когда в нем появляется много людей с патологическим поведением (преступников), но когда в общественном сознании исчезает (падает) до некоторого критического уровня понятие «норма». Для того чтобы общество осознало грозящую ему опасность, необходима сила, обладающая «пророчески-обличительной» способностью. Этим качеством в плане сохранения общественного человеческого сознания в России обладает только православная Церковь!

Вы знаете, что даже у нашего организма есть специальный механизм, который отторгает некое чужеродное тело, попадающее в наш организм. Например, несовместимость тканей. Уже на генном уровне есть мощные механизмы защиты, которые придают уникальность, единичность, некую самостность любому организму.

Известно, что эволюция человека осуществляется по двум направлениям: совершенствование формы развития и обогащение сознания. При повреждении духовно-культурного генетического кода происходит потеря достижений, как в развитии формы, так и в становлении сознания. Геноослабленность в области сознания может происходить незаметно, поскольку форма человека при этом почти не ухудшается. Признаки снижения уровня сознания в виде усиления жестокости, равнодушия, потребительства могут также происходить неприметно, общество может их «не замечать», впадая в «апокалипсис мелкого греха», возводя грех в ранг

нормы (добродетели). Разрушение нравственного чувства (совести) приводит к снижению способностей, подрывает и разрушает нравственную память (фундамент интеллекта). Монолит ума без цемента совести распадается на фрагменты (блоки). До времени эти блоки могут оставаться весьма крупными. Поэтому глубинное разрушение способностей к подлинному творчеству, связанных с духовно-нравственным состоянием, может происходить в скрытой (незаметной) форме.

2. Мировоззренческая катастрофа в России

Как только ушло «всесильное и верное марксистско-ленинское учение» (помните такую фразу - «учение Маркса всесильно, потому что оно верно»), так вот, когда это учение ушло, то появилась явная растерянность – во что и кому верить? Но, как известно, свято место пусто не бывает. И на место ликвидированного мировоззрения пришло чужебесие. Кстати, бесы не обязательно всегда чужие, могут быть, так сказать, и свои доморожденные бесы, которые не слаще чужих. И в этом чужебесии, в этой мировоззренческой катастрофе можно выявить две главные тенденции.

Одна из этих тенденций связана с порабощением внутренней жизни, всего сознания человека материальными, телесными, плотскими потребностями. Современная цивилизация не только решительно отрицает созерцание, душу, Вечность, но пытается открыто отвергнуть идеальную ипостась человека. Например, специалисты Всемирной организации здравоохранения видят главное препятствие на пути создания всеобщего мирового счастья, привязанность людей к традиционным ценностям общества, семьи и религии. Эта фраза вставлена в декларацию Всемирной организации здравоохранения. Вот что является главным препятствием для тотальной модернизации (осовременивания) всех - и нас с вами в том числе.

Идет активная попытка превратить потребности, прежде всего плотские потребности, часто в извращенной форме, в ведущий мотив поведения. И на этом поприще работают не только индустрия развлечений, шоу-бизнеса и потребления, но во многом - и современная педагогика, и современные психология и социология.

Наше время – это время многообразных психотерапий, форм альтернативной медицины, психосоциальных техник безболезненного освобождения человека от ответственности перед собой, перед людьми, перед Абсолютными смыслами собственной жизни.

Так, психотехнические средства реализуются в пространстве индивидуального сознания и являются следствием несомненных достижений классической научной психологии. Строгое научное знание о глубинных психических явлениях и состояниях человека оказалось замечательным

средством внешнего программирования и духовного кодирования личности. На базе этих знаний уже разработаны способы оккупации сознания другого человека, сценирования чужой жизни в собственных целях (достаточно вспомнить рекламные ролики, 25-й кадр, гипноз, техники работы многочисленных колдунов и гадалок и др.).

К разряду психотехнических средств, несомненно, относятся разного рода суггестии и способы «промывания мозгов». Протезирование сознания бесчисленными слоганами (типа – Не дай себе засохнуть! Ты этого достойна! И т.п.), софистика и демагогия, целевые фрустрации и магическое вменение веры, эзотерика и чародейство, психологическая дрессура под видом психотренингов – также входят в этот арсенал. Этот список можно продолжить, но главное, что на этом поприще у классической психологии головокружительные перспективы.

В свою очередь, социотехнические средства, инструменты социальной механики реализуются в пространстве общественной жизни; в частности, в дни политических акций - выборы, демонстрации, референдумы – они обычно именуется «грязными политтехнологиями». Главный ориентир подобных технологий – это манипуляция социальными пристрастиями и бессознательным, полевым поведением той или иной группы населения. Результатом оказывается своеобразная социальная невменяемость, анестезия нашей чувствительности к социальным противоречиям, которая обеспечивается переводом ответственного самоопределения личности в пространства приватной жизни – в клубные, семейные, бытовые, досуговые пространства. дня (Голосуй, а то – проиграешь!), блокаду рефлексии по отношению к целям и способам их достижения (Голосуй сердцем!), соккрытие замысла и двойной стандарт, подмена ценностей, создание ситуаций ложного выбора, снятие личной ответственности и одновременно - шантаж функциональными обязанностями и т.д. и т.п.

Хочу специально подчеркнуть, что сами техники не виноваты; виноваты мы растерявшие, а часто – размотавшие Богом данные нам преграды против духовного порабощения и духовного геноцида.

Отсутствие веры в Бога - как Источника абсолютного Добра, в Его заповеди - как единственной основы нравственности и «собственно человеческого в человеке» привело к тому, что после снятия идеологического прессинга, наше сознание, особенно у молодежи, оказалось практически беззащитным перед постмодернистскими идеологиями. Оказалось беззащитным перед опасностью массового растления, разврата, порнографии, наркотиков.

Святитель Николай Сербский писал, что существует четыре основных импульса, движущих людьми: личное благосостояние и собственные удовольствия; семейные и кровные узы; общественные законы; совесть и чувство присутствия Бога живого. Четвертый импульс – это первая линия обороны, если человек не удерживает бастионы совести, он отступает на

вторую линию – пытается защититься общественными законами; не удержав вторую, отступает на третью, и так - до последней. Именно в такой последовательности происходит деградация человека, деградация и гибель, ибо и последнюю линию обороны может потерять человек, приходя в состояние одиночества, уныния, потери смысла жизни и полного отчаяния.

3. Соблазн оккультизма

Очевидно, что в современном российском обществе уже несколько «линий обороны» имеют глубокие разрушения. И именно с этим обстоятельством связана вторая тенденция – внешне противоположная первой. Это попытка построить защитное мировоззрение на новой духовной основе, обрести смысл жизни, преодолевая атеистические и материалистические стереотипы. Эта тенденция, которая сегодня в России набирает все большую силу, связана с соблазном понимания духовной ипостаси человека с помощью восточного мистицизма, оккультизма и магии.

Призыв к познанию «запредельного мира», к овладению «скрытыми способностями» человека вне христианского аскетического опыта – через различные виды транса, «грез наяву», «автоматического письма», «активного воображения» и др. – все чаще звучит от имени науки в лице ее крупных представителей. Разрыв с христианской традицией, разрушение духовного иммунитета, абсолютное доверие к науке, характерное для атеистического сознания, как универсальному и достоверному способу познания реальности, поставили человека перед соблазном оккультизма, облекшегося в наукообразные формы.

Общественному сознанию настойчиво навязывается мысль, что человечество находится на особом этапе эволюции – этапе открытия новых знаний о Вселенной и о самом человеке. Активным проводником этих идей является известное международное движение «Нью эйдж - Новая Эра». Сегодня уже более 5 миллионов россиян является членами различных сект, в том числе неоязыческих и оккультных. Множество людей верят в «Космический Разум», в «Информационное Поле Вселенной», во влияние на судьбу знаков Зодиака. Попытка создать общество с единственно верным мировоззрением на основе «Научного атеизма» завершилась, по мнению зарубежных сектоведов, тем, что Россия на сегодняшний день является одной из самых больших «духовных помоек» в мире, становится источником «духовного заражения» для других стран.

Таким образом, масштаб и характер двух рассмотренных тенденций выхода из мировоззренческой катастрофы позволяют обозначить нашу эпоху - как неоязычество новейшего времени, которое требует нового благовествования, новой проповеди, нового миссионерства. И очевидно, что единственной силой, способной исцелить и реабилитировать как индивидуальное, так и общественное сознание в современной России является только православная вера.

И Русская православная Церковь берет на себя эту миссию, в частности, в общественной жизни – это Программа социальной деятельности, в

образовании – это Проект введения в содержание общего образования «Основ православной культуры» и ряд других акций.

Но какой шум и гвалт был поднят в СМИ по этому поводу! Почему? Откуда эта гневливость и раздражение? Только ли из неприятия активной духовной позиции православной Церкви? – От этого, но не только поэтому. В основе этого шума, в самой сердцевине его лежит страх – причем, как минимум троякого рода.

Первый – это политико-онтологический страх. Страх перед тем, что наши молодые люди действительно будут облекаться в ценности и внутренние смыслы православной культуры. А вдруг они проснутся при этом, вдруг протрезвеют, посмотрят вокруг и скажут: «Господи! – куда же я попал? На какую духовную свалку меня заманили?» Для целой категории властолюбивых людей в нашем государстве, в нашем Отечестве – это страшно. Лучше, чтобы все находились в сноподобном, в нетрезвом состоянии. Такой массой легче манипулировать, легче обмануть, легче организовать жизнь многих (в идеале – всех) в свою пользу. И эти властолюбцы – прямые враги православия, православной Церкви, православного человека; они сознательно и энергично борются, и будут бороться с любыми попытками духовного трезвления людей – как всегда, стараясь разрушить основы такого трезвления - «до основания».

Второй – это житейско-бытовой страх. Этот страх во многом – генетический, который во многих из нас до сих пор еще живет. Это еще тот – застарелый, советский страх, когда было опасно ходить в храм, страшно было крестить собственных детей, а уж тем более – исповедоваться и причащаться. Такой страх может не осознаваться, он может рационализироваться, рядиться во всякие атеистические и агностические одежды для оправдания своего не-воцерковления. На бытовом уровне – это может выражаться достаточно банально и многообразно: «Я в церковь не хожу; никто не ходит, а я пойду – неудобно как-то. А зачем мне церковь? – Я верю, что Бог есть, когда мне трудно – я к нему обращаюсь. А так...». Подобный слой людей – не шумный, но настороженный или равнодушный.

Третий – это духовно-психологический страх. Страх перед встречей с Божественной Реальностью, с Откровением ЕЕ нам. Ведь, как только я войду в церковную ограду, как только открывается для меня эта Реальность, то если говорить по совести – назад хода нет. Я уже не могу сделать вид, что ничего не произошло, я уже не могу вернуться в то – предшествующее состояние, когда я про это не ведал, не входил, не приобщался. Если уже вошел, если глаза, ум, сердце – даже чуть-чуть уже приоткрылись, то спокойно вернуться в ту «невинную» духовную слепоту, когда вроде бы не ведал, что творил – уже невозможно, совесть не позволит.

Поэтому некоторые люди часто говорят, что им рано воцерковляться. К тому же – некогда: столько дел, столько дел, что совершенно нет времени. Или другая причина – кажущаяся неготовность. Так с исповедью бывает и с причащением: «Знаете, батюшка, я не могу исповедоваться, причащаться – я сегодня не готов». День, месяц, полгода, год – не готов. Ну, может быть на

Пасху, когда можно причаститься, поучаствовав в общей исповеди. И это тоже страх, и он понятен, он и психологически и духовно понятен. Вот только психологический страх должен преодолеваться и быть преодолен, а духовный страх – страх Божий, конечно же, всегда должен оставаться.

4. Проблема духовности и духовного бытия человека

Теперь я хотел бы обратить ваше внимание на один, очень важный философский вопрос: «А что есть собственно человеческое в человеке?» Если мы удерживаем христианское представление о трехсоставной структуре человеческой реальности - тело, душа, дух - а более высокого и более фундаментального видения человеческой реальности, чем данное - ни наука, ни биология, ни психология, так и не смогли дать, то тогда на этой развертке мы сможем определить относительно основных тенденций развития.

Например, уже на уровне телесности человека необходимо различать собственно тело (организм) и плоть. Тело человека - Богом данное – священный сосуд для души. И на уровне души - преимущественное движение в сторону телесности оплотняет ее, превращает в эту самую плоть. И противоположный ход, движение души в сторону духа освящает ее, делает ипостасью человека, его личностью. Соответственно, и уровне духовного бытия человека возможны два импульса: движение в сторону удовлетворения плоти окутывает человека в темную духовность, восхождение к горнему миру, к божественной Реальности – облакает человека в святость.

Кто-то из наших религиозных философов сказал, что человек, только тогда человек, когда он в каждый момент больше самого себя, больше - чем он есть «здесь и теперь». И как только он оказывается меньше себя, то собственно человеческое в человеке начинает истаявать. Наш замечательный философ М. Мамардашвили говорил, что человек - существо искусственное. Собственно человеческое в человеке – продукт усилий, результат самостроительства. Однако у нас очень сильно школьное представление, что человек естественно-природное существо, как и всякое живое существо. Но с духовной, с религиозной точки зрения человек и по происхождению, и по назначению своему существо сверхъестественное. Он не естественен только и не противоестественен, он сверхъестественен, хотя естественная составляющая у него есть.

Вот эти движения души либо в одну сторону, либо в другую, собственно и есть то магнитное поле, поле напряжения, задаваемое разными знаками духовных полюсов, между которых человек с необходимостью и самоопределяется. Есть темная духовность, и есть светоносная духовность. Именно поэтому сказано: «Различайте духов!», проверяйте источники духовности. Ориентация человека на один полюс, в сторону поиска Бога, поиска встречи с Ним порождает один вид духовности - святость, и уход, поворачивание спиной к этому полюсу не делает меня нейтральным – это иллюзия. Я обязательно начинаю сваливаться в противоположную сторону. И рано или поздно оказываешься в ловушке одержимости негативной

духовностью, которая в земной жизни человека всегда рядом, в ожидании своего часа.

На сегодняшний день набирает силу «никакая» духовность. Просто нулевая, хотя она тоже называется духовностью, это так называемая «культурная духовность». За этим есть некий пафос – высшие образцы человеческих достижений в искусстве, в литературе, в производящей деятельности: технической, интеллектуальной и т.д. Неслучайно говорят: материальное производство, гуманитарное производство, духовное производство.

Эти высшие образцы исторических и сегодняшних достижений культуры. Считается, что высшие, духовные ценности существуют только в пространстве самой культуры. В свое время о. Павел Флоренский замечательно сказал: «С точки зрения культуры Церковь, кабак и американская машина для взламывания сейфов, являются равноценными». На каком основании вы будете считать, что Церковь выше кабака? Это все объекты культуры. Внутри самой культуры нет меры расценивания – что выше, что ниже. Надо выйти за пределы самой культуры и только тогда, с высоты, можно увидеть ранги и уровни ценностей и смыслов культуры, наших устремлений и исторических прецедентов.

Иногда я говорю педагогам, что они преподают не историю России и не историю русского народа, а историю Государства Российского, представленную в основном в делах и жизненных событиях его руководителей. Но вот внутренняя, духовная составляющая этих событий – во имя чего и почему надо было воевать, открывать новые земли, включать в состав России новые народы и др. - это смысловая составляющая всей нашей видимой и ранее описанной истории полностью отсутствует. Есть история царей и вождей, но нет истории служения православных святых. Мы до сих пор не понимаем духовный смысл событий конца XIX – начала XX столетия, включая сюда и революции, и советскую власть, и все остальное. Наша Церковь совершила великий подвиг, причислив к лику святых императора Николая Второго, его семью и новомучеников российских. Тем самым был выявлен и на икону положен главный духовный смысл этих событий. К сожалению, мы еще не доросли ни до этих событий, ни до этой иконы.

И последнее, на что хочу обратить ваше внимание в данном контексте, это наши представления о человеке - важные и с психологической, и с педагогической точек зрения. Как правило, мы находимся в плену наших представлений о человеке – как отдельном индивиде. Для нас человек, чаще всего, это отдельная особь. Даже когда мы говорим о личности, то в ряде славянских языков личность – это особность, особенность, отдельность. В латинском языке личность - персона, просто маска. Однако, говоря о личности человека, мы понимаем, что за этим понятием стоят такие категории, как Лик и личина. Личность есть как конфигуративное объединение Божьего дара, ипостаси Богом данной, которая в Лике себя обнаруживает, и того самого земного, а часто - и бесовского, которое мы безошибочно называем личиной.

К сожалению, мы в своем профессиональном сознании чаще всего представляем человека только как отдельную особь, как индивида. Индивид, в переводе на русский язык, это атом – неделимый, самодостаточный в себе, имеющий жесткие границы, атом. Это ложное представление, оно нам навязано научной рациональностью.

Есть версия, что слово «Адам» множественное число, это не фамилия индивида, а имя человечества. С философской точки зрения человек представляет собой противоречивое единство - одновременно и индивидуальных (уникальных), и всечеловеческих качеств, родовых способностей. Нельзя свести человека только к всеобщему, это уничтожение уникального и единичного в человеке. И наоборот, нельзя свести его только к индивидуальным особенностям, отказывая ему в способности к универсальному развитию всего, что присуще роду человеческому. Андрей Платонов когда-то замечательно сказал: «Без меня - народ неполный!» И все. Это не окаянство, это не «ячество», это точное понимание сути дела. Непонятно, что такое «Платонов» без народа русского, но и народ без Платонова неполон.

5. О пространстве духовно-нравственного развития

Вначале, хотя бы коротко, я хотел бы разобраться с самим понятием таким простым и привычным. Если сейчас суммировать множество мнений о их можно будет свести, фактически, к двум. Они нам хорошо известны, на наши учебные и образовательные программы, так же и наши представления о

Первое понимание – это развитие как созревание и рост. Смотрим на тра как из зерна появляется растение... Есть такие процессы в человеческой реали видим это своими глазами. Маленький ребенок растет, мужает, взрослее описываем: рождение, рост, расцвет, плодоношение, старение, дряхление, сме

Второе понимание, на котором базируется практически вся наша педагогика, это развитие как формирование. Не умел писать – научился. Произошло развитие? Да, несомненно. Ведь он не умел писать, а теперь умеет. Ходил на четвереньках, – ходит на двух ногах. Не умел членораздельно разговаривать – теперь членораздельно говорит и т.д. Все это как раз и связано с обучением, с образованием, т.е. с обретением целого ряда культурных способностей, которые уже фиксированы в человеческом опыте. Огромное число, когда-то священных человеческих способностей (письмо, чтение, счет и др.), сегодня просто перешли в разряд культурных навыков.

Интуитивно мы чувствуем, что развитие всей человеческой реальности нельзя только свести к этим двум процессам – созревания и культурного оформления, которое иногда превращается в процесс формирования по извне заданным меркам. Уже подросток может нас спросить: «Господин учитель, а почему я должен стать таким, как вы хотите? А если вы ошибаетесь»? И потом, когда он повзрослеет, ему вдруг откроется: «А ведь по поводу меня

есть Божий замысел, у меня есть своя собственная биография, свое собственное движение и личная траектория». Как с этим быть, как не разрушительно встречаться и просто жить с этой сугубой индивидуальностью?

Поэтому когда мы говорим о развитии, необходимо говорить об особом процессе - о собственно духовном развитии. Духовность и душа живая даны человеку изначально, но проблема в том, когда и как я встречу с ними, и встречу ли вообще. Вот в чем проблема. Когда и как я встречу со своим собственным замыслом обо мне? И сколь я (учитель, родитель, воспитатель, вообще – взрослый) буду со-работником в реализации некоего замысла об этом конкретном ребенке?

При содержательном описании пространства духовного развития специального внимания заслуживает следующее существенное обстоятельство: человек при рождении попадает в уже обжитой мир. Ребенок зарождается, рождается и живет в системе реальных, живых, хотя и разнородных связей с другими людьми (первоначально с матерью, затем еще с близкими, впоследствии и с дальними). Усиливая эту мысль, можно вообще сказать: нигде и никогда мы не увидим человека до и вне его связей с другими. Он всегда существует и развивается в со-обществе и через со-общество. Живая общность, сплетение и взаимосвязь двух жизней, их внутреннее единство и внешняя противопоставленность друг другу указывают на то, что взрослый для ребенка не просто одно из условий его развития наряду со многими другими, а фундаментальное онтологическое основание самой возможности возникновения собственно человеческого в человеке, основание его нормального развития и полноценной жизни.

Это изначальное единство я называю со-бытийной общностью – как нераздельность и неслиянность двух и более самостоятельных форм жизни. Подобная общность по сути и есть то пространство, та ситуация развития, где впервые зарождаются специфические, собственно человеческие способности, позволяющие человеку стать и быть субъектом своей жизни. Принцип развития - динамическое преобразование систем связей и отношений между людьми в событийной общности в процессах социализации (отождествления) и индивидуализации (обособления). При этом индивидуализация определяется как процесс оформления уникального и неповторимого Я, приобретения индивидом все большей самостоятельности и относительной автономности. Социализация трактуется как вращение индивида в мир человеческой культуры и общественных ценностей.

Становление собственно человеческого в человеке - это становление и манифестация субъективного духа, приобщение к родовой человеческой сущности, следование высшим образцам человеческой культуры, нравственным принципам, утверждение ценностей родового бытия человека, практическое преобразование действительности, основанное на любви к качеству жизни и воле к совершенству во всех ее областях. В христианской

культуре человечность находит свое выражение в личностном способе жизни, предполагающем свободный, сознательный и ответственный выбор поведения на основе ценностно-смыслового самоопределения субъекта жизнедеятельности.

Чтобы обеспечить ребенку условия здоровой и духовно полноценной жизни необходим взрослый человек. Это аксиома, не требующая сегодня доказательства. Можно сказать, что “собственно человеческое в человеке” - это всегда другой человек. Детству естественно присущи стремления к дополнению, потребность и способность обретения полноты человеческого бытия. Старшие создают особую, располагающую среду, в которой младшим легче рассекречивать и осваивать глубины и потенции собственного внутреннего мира, обогащать ими свою жизнь и жизнь других людей. Иными словами, взрослые (в норме!) обеспечивают ребенку презумпцию человечности - право и возможность стоять на человеческом пути развития, по мере взросления становиться действительным автором собственного развития или, говоря словами Г. Гессе, наряду с внешней судьбой обрести судьбу внутреннюю, более сущностную, не случайную.

Взросление - дело трудное и, даже, болезненное. Если воспрепятствовать развитию человеческих способностей, ребенок может превратиться в карикатуру на человека или чудовище. К сожалению, иногда случается и такое. Если детскую душу ранить или оставить в запустении, воспользовавшись наивной неискушенностью вовлечь в пагубу, ребенок заболевает. В известных с детства сказках (будто написанных на злобу дня сегодняшнего) это называется колдовством. Как тут не вспомнить Иванушку, который ослушался сестрицу, напился из болота и стал козленочком; героя сказки Андерсена - Кая, которому в глаз попал осколок разбитого дьявольского зеркала, и сердце его оледенело; братьев, превращенных в диких птиц. Метафоричность потери человеческого облика будто списана с неутешительных реалий настоящего с уже привычными нарицательными обобщениями: наркоманы, “отморозки”, ущербные.

На некоторых детей тень “колдовства” падает с рождением. О них мы говорим “дети с особенностями развития”.

Чтобы расколдовать ребенка, помочь ему обрести дух полноценной человеческой жизни необходим близкий Другой-человек. В жизни как в добрых детских сказках процесс спасения (исцеления, личностного пробуждения) является серьезным испытанием. Испытанием и для ребенка, и для близкого человека: Герда ради спасения Кая отправляется в рискованное путешествие в царство Снежной королевы; сестра вопреки опасностям, преодолевая боль, шьет голыми руками братьям рубашки из крапивы.

Ф.М.Достоевский в “Братьях Карамазовых” писал, что ничего нет выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее воспоминание, вынесенное еще из детства, из родительского дома. Если набрать таких (добрых) воспоминаний с собой в жизнь, то спасен человек на всю жизнь, но и одно только хорошее воспоминание, оставшись при нас,

может послужить нам во спасение. Э. Фромм усиливает эту мысль, утверждая, что родители дают жизнь, но они же могут ее забрать или сделать невыносимой; родители способны на чудеса любви - и никто не может причинить такого вреда, как они.

Ф.М. Достоевский и Э. Фромм подчеркнули и благодатную силу, и угрозу, заключенные в родительском отношении. Анализируя этот факт, соотнося его с опытом педагогической и психологической практики, не трудно убедиться, что связанность со взрослым (не только с родителем) одновременно таит для ребенка и целительные силы, и болезнетворную опасность. Какие же сугубо психологические факторы определяют влияние взрослого на душевно-духовное здоровье ребенка?

Длительный период дошкольного и школьного детства подлинным субъектом развития является со=бытийная общность ребенка и взрослого. Специалистам известно широко употребляемое, но крайне расплывчатое определение - "значимый взрослый". Значимый взрослый - это родной или близкий человек, оказывающий существенное, определяющее влияние на условия развития и образ жизни ребенка: родитель, опекун, учитель, наставник... В основу классификации понятия "значимый взрослый" положены две существенные характеристики конкретного взрослого человека, которые наиболее полно характеризуют его статус в жизненном мире конкретного ребенка. Это показатели кровного родства - "родной-чужой" и духовной близости - "близкий-чуждый".

Критерием первой характеристики можно считать принадлежность к единой родовой ветви. Для ребенка это материнская и отцовская родовые ветви. Основа и главный критерий подлинной близости двух людей - устойчивая духовная связь.

Классификация значимых взрослых

	Духовная связанность	Кровное	родство
		Родной	Чужой
Близкий	родной и	близкий	чужой, но близкий
Чуждый	родной, но чуждый	чужой и чуждый	

Значимые взрослые составляют естественное человеческое окружение ребенка. Мера кровного родства ребенка и взрослого изначально задана. Поэтому отношения в детско-взрослой общности эволюционируют по линии духовной близости. Мы выделяем две наиболее общие тенденции: атрибутом первой являются взаимное понимание, принятие, доверие; вторая переживается как стойкое взаимное несогласие, разобщение и отчуждение.

Приближенный еще не значит близкий. Именно духовная близость ребенка и взрослого гармонизирует индивидуализацию обособление ребенка, обеспечивает нормальное развитие его субъектности; отчуждение искажает и блокирует его.

Специфика духовной близости ребенка и взрослого (в отличие от витальной, эмоциональной, социальной связанности) состоит в очеловечивании (одухотворении) взрослым жизненного мира ребенка.

Максима такого отношения есть любовь взрослого к человеческому в человеке, непосредственно - в ребенке, как его устремление навстречу становящемуся индивидуальному духу в непрерывном, напряженном поиске отношения соразмерного с детскими возможностями; такое отношение - по сути, благодатно. Эта любовь осуществляется через со-бытие в духовной практике воспитания ребенка. Значимый взрослый (в норме!) - ответственный координатор со-бытия - использует собственную самость в качестве “инструмента” выстраивания и развития совместности с ребенком.

Согласно концепции развития субъектности в онтогенезе жизненный путь человека представляет собой последовательность двух этапов (биографических эпох). На первом ребенок совместно с родным и близким взрослым овладевает внутренними (телесными, психическими) и внешними (социокультурными) обстоятельствами своего существования. Апогеем и одновременно переломным моментом первой фазы является точка “обретения души”, открытия собственного Я (в нашей культуре это происходит, как правило, в подростковом возрасте). Социальной фиксацией вступления человека в новое качество в традиционных обществах являлись обряды инициации, посвящения, конфирмации, символизирующие переход от “безответственного детства” к необходимости самоопределения и полноте ответственности за свою жизнь.

Собственная самость открывается перед человеком как предмет отношения и творческого преобразования. Именно с этого момента можно говорить о саморазвитии субъективности как особой духовной реальности, как о способе собственно человеческого бытия, атрибутами которого являются самостоятельность и ответственное жизнестроительство. Духовность - новое качество и новый принцип, окончательно делающий человека человеком. Определением духовного бытия человека является свобода от принуждения и давления всего, что относится к обыденной жизни, включая влечения, пристрастия и прельщения собственной самости. Введение представления о саморазвитии есть фактическое признание сверх-естественной сущности человека, обнаруживающей себя в освоении и утверждении подлинно человеческого способа жизни.

Приведу только два примера чрезвычайной важности со-бытийной общности для нормального физического и душевно-духовного развития и взрослых, и детей.

Сегодня существуют очень серьезные исследования особенностей психологического развития детей в пренатальном (дородовом) периоде. Все наши традиционные обозначения: зародыш, плод и т.п. – все от «нищеты психологии», от невозможно описать события беременности в традиционном языке общей психологии. Именно из-за этого – апелляция к медицинской терминологии. В каком-то смысле человек уже предсуществует еще до своего зачатия. Не впадая в оккультную мистику, но уже в самой любви, в самой встрече мужчины и женщины уже зарождается некий замысел о человеке. По молитвам – в такой встрече есть и Божие присутствие.

Если перевести события пренатального развития ребенка на психологический язык, на язык психологической антропологии, с позиции которой я и рассматриваю духовное развитие человека, то сам ход беременности и момент родов оказывается принципиально иным, нежели обычно. Моя сотрудница, при консультировании молодых мам, переводила текущие и ожидаемые физиологические ощущения на психологический язык, на язык Встречи будущей мамы со своим собственным ребенком. Это была организация со-бытийной встречи с тем уже человеческим существом (уже с момента зачатия), с которым мама давным-давно живет. Почему «со-», потому что жизнь матери и дитя совместна и неразрывна; почему «бытийно», потому что это две уникальные жизни и они - неслиянны. Это точно по той священной формуле божественной Троицы, в Которой – «неслиянность-нераздельность» - одновременно.

Естественно, чем более членораздельны речи и матери, и ребенка в пренатальный период, чем очеловеченней их общение, тем выше надежда на психосоматическое и душевно-духовное здоровье и в дальнейшей жизни. Тем меньше опасность безродности и сиротства ребенка. Сиротство – это ведь не только физическая потеря родителей, сиротство может быть даже при живых родителях, когда не сложилась со-бытийная общность или когда разрушились связи и отношения внутри нее.

Еще один пример. В свое время Л. Толстой озвучил такую формулу - «Пустыня отрочества». Вы только вдумайтесь в это словосочетание! Отрок (наш подросток) оказывается и проходит сквозь пустыню. Через какую пустыню? - Смысловую и ценностную.

Психологически эту формулу можно прочесть следующим образом. Подросток как бы спрашивает у себя: «А что у меня есть свое собственное? Не навязанное извне, а мое собственное?» И он, при честном ответе на эти вопросы, обнаруживает, что ничего своего у него нет. Язык родной - не его, телесность - не его, данная ему при рождении, и сам он не свой. Потому и говорит родителям: «Я вас не просил, чтобы вы меня рожали». Все, что он знает, умеет - извне пришло, от взрослых, это не его самостоятельные достижения.

Здесь кроется источник подростково-юношеских суицидов - от полной пустыни, от той смысловой пустоты, когда самость ребенка фактически сведена к нулю. Здесь возникает сложнейшая педагогическая проблема – что и как нужно делать, и делать – срочно. Очевидно, что предшествующая форма со-бытийной общности изжила себя, ребенок вырос из нее, как вырастают из детской одежды. Необходимо строить новую общность, на новых основаниях, в новых отношениях и позициях. Чаще всего именно мы – взрослые не готовы и не способны к такому обновлению. А потому и выход из «пустыни отрочества» может быть трагическим, а может быть болезненным, но духовно развивающим, подлинно самостроительным. На этом я хотел бы остановиться, понимая, что несказанного и не написанного – еще, как говорит мой друг, 16 глав.

